**Семиотический аспект полифонии и диалогизма
в диспозитивной организации романной формы:
лингвориторический подход**

Владлена Валерьевна Сиганова

Сочинский государственный университет, Россия
354000 г. Сочи, ул. Советская, 26 а
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: cypen@inbox.ru

Аннотация. В статье в русле лингвориторической парадигмы рассматривается семиотический аспект диспозитивной организации полифонической и диалогизированной романной формы (на примере романов Ф.М. Достоевского).

Ключевые слова: лингвориторическая парадигма, семантика, синтактика, прагматика, диспозиция, полифония, диалогизм, дискурс-текст, роман.

УДК 80/81

Если применить к произведению искусства слова известное семиотическое разделение на семантику, синтактику и прагматику, то можно говорить соответственно о семантическом, синтактическом и прагматическом уровнях дискурс-текста литературно-художественного произведения: семантический уровень исследует отношение описания к описываемой действительности (отношение изображения к изображаемому); уровень синтактики изучает внутренние структурные закономерности построения описания; наконец, прагматический уровень рассматривает отношение описания к человеку, для которого оно предназначается. Соответственно, можно говорить и о семантическом, синтактическом и прагматическом аспектах композиции художественного произведения, то есть проблемы точки зрения [См. об этом: 1]. В этом смысле *семантика* композиционного построения рассматривает отношение точки зрения к описываемой действительности и, в частности, то искажение, которое претерпевает действительность при передаче через соответствующую точку зрения. *Синтактика* композиционного построения рассматривает отношения различных точек зрения, участвующих в произведении, безотносительно к воспроизводимой действительности. Здесь может ставиться, в частности, вопрос о функциональном значении использования той или иной точки зрения в произведении (то есть внутреннем синтактическом значении, которое устанавливается без выхода за пределы данного произведения). *Прагматика* композиционного построения рассматривает проблемы композиции произведения в связи с его читателем, то есть тем, кому адресован данный текст. Композиционное построение может специально предусматривать определенное поведение читателя – таким образом, что последнее входит в расчеты автора произведения, как бы специально им программируется. В частности, автор, как мы это видели, может специально рассчитывать на определенную динамику позиции читателя. Различные композиционные отношения между авторской и читательской точками зрения проявляются прежде всего в плане их относительного кругозора, относительной осведомленности о происходящих событиях. В одних случаях автор обладает абсолютным знанием о происходящих событиях, тогда как от читателя те или иные обстоятельства до поры до времени могут быть скрыты; кругозор же героев еще более ограничен. В других случаях автор налагает какие-то сознательные ограничения на свои знания, причем он может не знать того, что известно какому-либо персонажу произведения.

В коммуникативном аспекте необходимо трактовать текст художественного произведения как сообщение, языковую и литературную личность автора как отправителя сообщения и языковую личность читателя как адресата сообщения. С опорой на классическую триаду Аристотеля «Говорящий – предмет речи – слушающий» и модель коммуникации Р.О. Якобсона «адресант – референт – код – контакт – сообщение – адресат», на трактовку Льежской риторической школы сообщения как средоточия воздействия остальных пяти базовых компонентов коммуникативной ситуации и на этой

основе понимания дискурс-текста в качестве синергетического продукта взаимодействия названных коммуникативных факторов в рамках *лингвориторической парадигмы* [см.: 2–6]. Соответственно на данном уровне анализа необходимо в первую очередь различать точку зрения автора (отправителя), точку зрения читателя (адресата) и, наконец, точку зрения того лица, о котором идет речь в произведении (то есть того или иного персонажа произведения).

При любом анализе литературного произведения речь идет прежде всего о системе персонажей. Данный «школьный» аспект очевиден, однако действительно очень важен для понимания художественного произведения как целого. Система персонажей, по определению Н.Д. Тамарченко, – это «художественно целенаправленная соотнесенность всех «ведущих» героев и всех так называемых второстепенных действующих лиц в литературном произведении. Через систему персонажей выражается единое авторское представление о человеке и его взаимоотношениях с природой, обществом и историей, а также о типах человека» [7]. Центральные фигуры могут образовывать пары, треугольники, прямоугольники. Главный герой может быть резко выделен на фоне его окружения или ему может противостоять почти равная по значению фигура. Типы главного и второстепенных персонажей, их количество, позиции, соотношение, наконец, традиции, на которые опирался писатель при их создании, – все это помогает постичь ту целостную картину мира, которую стремился создать в своем произведении автор.

Проблема заключается в том, что разговор о системе персонажей обычно сводится к выяснению идеологической позиции того или другого героя, т.е. анализу содержания произведения. Методология же анализа системы персонажей с точки зрения художественной формы практически не разработана. Необходимо понять расстановку персонажей, исходя не из субъективного восприятия произведения, а из данной нам объективной реальности, то есть самого текста. А.П. Скафтымов замечает: «Основными крупнейшими звеньями целого нам представляются действующие лица романа. Внутреннее членение целостных образов происходит по категориям наиболее обособленных и выделенных в романе эпизодов, восходя затем к более мелким неделимым тематическим единицам, которые мы обозначили в изложении термином «тематический мотив» [8].

Во всех романах Ф.М. Достоевского, по мнению А.П. Скафтымова, «четко выступает автор, предусматривающий и руководящий всеми, сначала загадочными для читателя, метаниями сложного духа его действующих лиц. Для автора в его персонажах нет загадок, он ясно видит мотивы и импульсы их поступков. Загадочность и безотчетность их поведения стоят всегда в намерениях автора и имеют свою тематическую обусловленность» [9].

На основании выполненного нами аналитического обзора научной литературы, посвященной роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», мы исходим из утверждения, что Библия и христианский миф выступают в качестве одного из архетипов дискурс-текста романа, определяя его особенности как в области содержания, так и в области формы – композиционной и языковой. В первую очередь здесь следует отметить ведущую особенность диспозитивной организации романа, которая имеет четыре части и символизирует, таким образом, форму Четвероевангелия.

Принципиальное отличие жанровой структуры романов Ф.М. Достоевского от предшествующего монологического романа, где слово автора имеет универсальное, завершающее и всепримиряющее значение, – полифоническая организация и диалогизм как ведущие сущностные признаки лингвориторической организации дискурсивно-текстообразующего процесса литературной личности. Согласно М.М. Бахтину, подлинная *полифония* – это «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний», «множественность равноправных сознаний с их мирами», где слово персонажа уравнивается в правах не только со словом другого персонажа, но и с авторским словом, где «всепоглощающему сознанию героя автор может противопоставить лишь один объективный мир – мир других равноправных с ним сознаний» [10]. Ученый вводит также понятие *большого диалога*, под которым понимается универсальный диалог, пронизывающий все уровни художественной структуры романов Достоевского и организующий его в единое многоплановое, идеологически незавершенное целое. В работе М.М. Бахтина подробно анализируются способы раскрытия в произведениях Достоевского сознания и кругозора персонажа. Бахтин определяет и особый тип прозаического слова, свойственный героям Достоевского: *двуголосое* слово, т.е. слово с установкой на чужое

слово, в котором скрещиваются два голоса, две интенции. «Это слово-обращение, слово, диалогически соприкасающееся с другим словом, слово о слове, обращенное к слову». Важнейшую черту речевого стиля всего творчества Достоевского Бахтин видит в «напряженном предвосхищении чужого слова». Как убедительно показано М.М. Бахтиным, наиболее отчетливо полифонический тип художественного мышления воплощается именно в произведениях Достоевского.

В интересующем нас лингвориторическом аспекте явление полифонии в художественном дискурс-тексте может быть, согласно Б.А. Успенскому, «сведено к следующим основным моментам.

А. Наличие в произведении нескольких независимых точек зрения. Это условие не требует специальных комментариев: сам термин (полифония, то есть «многоголосие») говорит сам за себя.

Б. Данные точки зрения должны принадлежать непосредственно участникам повествуемого события (действия). Иначе говоря, здесь нет абстрактной идеологической позиции – вне личности какого-то героя.

В. При этом данные точки зрения проявляются прежде всего в плане идеологии, то есть как точки зрения идеологически ценностные. Иными словами, различие точек зрения проявляется в первую очередь в том, как тот или иной герой (носитель точки зрения) оценивает окружающую его действительность» [11].

«Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, – пишет в связи с этим М.М. Бахтин, – а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого». И далее: «Следовательно, теми элементами, из которых слагается образ героя, служат не черты действительности – самого героя и его бытового окружения, – но значение этих черт для него самого, для его самосознания» [12]. Итак, полифония представляет собой случай проявления точек зрения в плане идеологии. Нередко идеологическая точка зрения выражается в виде той или иной речевой (стилистической) характеристики, то есть лингвистическими средствами, однако в принципе она не сводима к характеристике такого рода; требуется обращение к классическим риторическим категориям Этоса, Логоса и Пафоса, репрезентирующим именно идеологию (в широком смысле) того или иного речевого поступка.

Полемизируя с теорией М.М. Бахтина, утверждающего «полифонический» характер произведений Ф.М. Достоевского, Г. Волошин возражал, что мир писателя, напротив, «поразительно единообразен» [13]. Думается, что сама возможность такого расхождения мнений обусловлена тем, что исследователи рассматривают проблему точек зрения (то есть композиционную структуру произведения) в разных аспектах. Б.А. Успенский замечает, что «наличие различных идеологических точек зрения в произведениях Достоевского, вообще говоря, несомненно (это убедительно показал Бахтин), однако это различие точек зрения почти никак не проявляется в аспекте фразеологической характеристики. Герои Достоевского, как это неоднократно отмечалось исследователями, говорят очень однообразно, причем обыкновенно тем же языком, в том же общем плане, что и сам автор или рассказчик. В том случае, когда различные идеологические точки зрения выражаются фразеологическими (т.е. лингвистическими и риторическими – В.С.) средствами, встает вопрос о соотношении плана идеологии и плана фразеологии [т.е. лингвистики и риторики. – В.С.]» [14]. Таким образом, адекватной исследовательской призмой для анализа романного дискурсивно-текстового пространства выдающегося классика отечественной художественной литературы выступает интегративный лингвориторический подход. В его рамках творческий феномен Ф.М. Достоевского был исследован нами [15] в качестве православной литературной личности, реализующей в процессе художественного творчества универсальный идеоречевой цикл «от мысли к слову» соответствующей идейно-духовной направленности. Нами проанализирована диалектическая взаимосвязь «внутреннего интертекста» новозаветных репрезентаций и романа «Братья Карамазовы» как «внешнего интертекста»; применение метода интертекстуального анализа расширено и углублено благодаря изучению текстовой ткани романа в избранном аспекте в рамках лингвориторической парадигмы.

Примечания:

1. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.

2. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 77–83.
3. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. P. 183–190.
4. Vorozhbitova A.A. Program of professional linguistic personality study in linguo-rhetorical paradigm: scientist-philologist and classic writer // European researcher. 2011. № 4. С. 398–401.
5. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532–1537.
6. Ворожбитова А.А. Филолог как профессиональная языковая личность в инновационном потенциале Федерального государственного стандарта третьего поколения (ФГОС-3): лингвориторико-синергетический подход // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2010. № 4. С. 144–149.
7. Тамарченко Н.Д. Система персонажей // Литературоведческие термины (материалы к словарю). Коломна, 1997. С. 36.
8. Скафтымов А.П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Анализ художественного текста (эпическая проза). Хрестоматия / Сост. Н.Д. Тамарченко. М.: РГГУ, 2004 (II). С. 359.
9. Скафтымов А.П. Указ. соч. С. 408.
10. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 363 с.
11. Успенский Б.А. Указ. соч. С. 25.
12. Бахтин М.М. Указ. соч. С. 63.
13. Волошин Г. Пространство и время у Достоевского // Slavia. 1993. Rocn. XII. Ses. 1–2. с. 171.
14. Успенский Б.А. Указ. соч. С. 32–33.
15. Сиганова В.В. Лингвориторические функции новозаветных репрезентаций в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: интертекстуальный аспект: Автореф. дис... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 2007. 22 с.

Polyphony and Dialogism Semiotic Aspect in Dispositive Organization of Novel Form: Linguo-Rhetoric Approach

Vladlena V. Siganova

Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya Str., Sochi 354000
PhD (Education), Assistant Professor
E-mail: cypen@inbox.ru

Abstract. The article considers semiotic aspect of dispositive organization, having polyphonic and dialogism novel form in terms of linguo-rhetoric paradigm (F.M. Dostoevsky's works case study).

Keywords: linguo-rhetoric paradigm, semantics, syntactics, pragmatics, disposition, polyphony, dialogism, discourse-text, novel.

UDC 80/81